Доктор Роджер Грин, Реформация в настоящее время, Лекция 10, Просвещение

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем курсе «История церкви, от Реформации до наших дней». Это сессия 10, Просвещение.

Мы собираемся отправиться туда, где мы должны быть. Это прямо в самом конце зала, в самом конце, и там есть столы, и мы сядем вокруг столов. Хорошо, мы там, где должны быть на нашей лекции, поэтому мы радуемся этому. Лекция 5, Теология эпохи Просвещения, просто напоминание о том, что мы начали курс, конечно, с рассмотрения средневекового римского католицизма и того, что это было.

Затем, Реформация через Лютера, особенно для нашего курса, через Кальвина, является ответом на средневековый римский католицизм, первоначальным ответом на него. Затем мы рассмотрели католический ответ на ответ Реформации, Контрреформацию и католическую Реформацию. Затем, на последней лекции, мы увидели протестантизм, который начинался как довольно единое движение.

Я имею в виду, что Лютер был первым поколением, а Кальвин был вторым поколением. Затем протестантизм начинает немного раскалываться и вспоминать два вопроса, по которым он раскололся. Это церковная литургия и церковное устройство.

Итак, Реформация в Англии сформировала англиканскую церковь, а из англиканской церкви в конечном итоге вышел конгрегационализм, баптисты и некоторые из баптистов стали унитарийцами. Фактически, некоторые из конгрегационалистов также стали унитарийцами. Так что здесь начинает формироваться своего рода деноминационализм.

Мы также пытались подчеркнуть, что экклезиология стала центральным аргументом в то время. Если оправдание и уверенность были центральными аргументами времени Реформации, то когда вы переходите к этому периоду, когда Реформация набирает силу, то, безусловно, экклезиология становится своего рода центральным для того времени. Сейчас мы начинаем лекцию 5, Теология эпохи Просвещения, и сейчас мы увидим, что центральный аргумент, в некотором смысле, или центральная история этого времени, является своего рода критикой Церкви и критикой христианства.

Итак, в этой лекции я хочу показать, какой критики слышно в разных местах, особенно, конечно, в Западной Европе, но также и здесь, в Америке. Критика,

которая слышна, которая заставляет христианство и церковь отодвигать, определенно отодвигать христианство и церковь. Затем, следующая лекция о том, что делает церковь по этому поводу. Ну, следующая лекция о евангельском возрождении в церкви.

Итак, у нас все в порядке с точки зрения времени, и мы начнем эту лекцию, а потом у нас пятница, потом следующая неделя, а потом еще неделя, и мы уже на промежуточном экзамене. Так что через неделю после следующей мы уже на полпути к курсу. Так что мы как бы маршируем здесь.

Итак, ладно. В качестве вступления, я собираюсь сделать здесь следующее: я собираюсь, мы собираемся сделать две вещи. Я собираюсь ввести некоторые термины, а затем я просто хочу напомнить нам о подъеме современной философии.

И помните, один из вопросов курса, который мы хотим задать себе, это какова связь между теологией и философией. Итак, просто несколько терминов. Хорошо, давайте просто напомним себе, я собираюсь использовать три. Реформация, Возрождение, Просвещение.

Реформация, термин Реформация. И помните, что одной из вещей Реформации, в некотором смысле, было то, что она освободила индивидуальную совесть. И некоторые из вас ответили на вопрос об освобождении себя, вы знаете, или освобождении совести.

Вы ответили на этот вопрос на экзамене. Но, конечно, Реформация была реакцией против средневекового римского католицизма, без сомнения. Но это была реакция, которая переформулировала тело Христа, церковь, и переосмыслила, что такое церковь.

Но внутри этой церкви люди могли иметь свободу совести. Они имели свободу думать самостоятельно. Образованные люди, конечно, могли читать писания на своем родном языке.

Они могли слышать проповедь на своем родном языке. Но все это происходило внутри церкви. Вся эта свобода совести происходила внутри церкви, внутри тела Христа.

Итак, это номер один, Реформация. Хорошо, теперь параллельно Реформации, номер два, второе определение, конечно, Ренессанс. А Ренессанс — это своего рода возвращение к первоисточникам, греческим и еврейским источникам и так далее.

Как сказал один человек, это восстановление человечества и человеческих способностей. Так что Ренессанс идет параллельно Реформации. Ренессанс также дал людям своего рода свободу совести.

Ренессанс также дал им привилегию, в некотором смысле, думать самостоятельно, эту свободу совести. Разница в том, что у многих мыслителей эпохи Возрождения, не у всех, но у некоторых мыслителей эпохи Возрождения, свобода совести выводила их за пределы церкви. Она выводила их за пределы тела Христова.

Так что в отличие от мышления Реформации, которое было сделано внутри церкви, иногда мышление Ренессанса было своего рода освобождением от церкви и созданием своего рода терминов, с которыми мы бы были знакомы, таких как секуляризация или гуманизм, терминов вроде этого. Так что это как бы породило это. Так что теперь есть своего рода, в Ренессансе, есть своего рода чувство автономии, и это чувство своего рода человеческой автономии, но эта человеческая автономия осуществляется отдельно от тела Христова, отдельно от церкви.

Не для всех мыслителей эпохи Возрождения, но для многих. Итак, Реформация внутри церкви и Ренессанс начали выходить за пределы церкви. Хорошо, и затем номер три, конечно, теперь мы переходим к Просвещению.

Итак, определение Просвещения. Просвещение — это период Просвещения, начавшийся в 17 веке, период разума и период рационализации. Это действительно осознанное усилие применить разум к каждому аспекту жизни.

Вот как бы я определил Просвещение, период, в который мы сейчас вступаем. Применяйте разум и рациональность к каждому аспекту жизни. Итак, мы называем 17 век веком разума, но здесь есть своего рода предостережение.

Хоть мы и называем это веком разума, есть одно маленькое предостережение, а именно, в следующем столетии, в XVIII веке, достаточность разума для всего была поставлена под вопрос. Достаточность разума для веры, например, для религиозной жизни, была особенно поставлена под вопрос. Так что, разум, вы можете судить обо всем разумом в эпоху Просвещения.

Правило разума можно применить ко всему. В жизни есть некая предустановленная гармония, но есть ли у этого разума ограничения? И некоторые люди говорили: да, здесь нужно быть осторожными, потому что иногда применение только разума к каждому аспекту жизни будет иметь ограничения, и нигде это не будет видно так, как в религии. Нельзя просто применять разум только к религии.

Что-то есть. Вера должна появиться здесь где-то. Так что это период, в который мы как бы вступаем. Так что, что я хотел бы сделать здесь в качестве введения, так это напомнить вам о двух философах, ну, я напомню вам о трех или четырех философах, двух для введения, а затем мы перейдем к паре других, когда будем рассматривать другие вещи.

Но мы хотим напомнить вам о двух философах из ваших дней в философии, когда вы изучали философию в качестве основного курса. Так что двое, которые просто запомнятся вам, это те, кого вы, вероятно, никогда не забудете, и вы, возможно, все еще читаете здесь. Но один из них — Джон Локк, и вот даты Джона Локка.

Хорошо. Итак, вы помните что-нибудь о Джоне Локке? Что приходит вам на ум, когда вы думаете о Джоне Локке? Что угодно приходит на ум, когда вы думаете о Джоне Локке, особенно когда вы думаете о Джоне Локке с точки зрения того, как мы понимаем вещи? Верно? Это правда. Это правда.

Я не был, и я не думаю сейчас так много о политической теории, как, ладно, это то, что вы помните о нем, и мы увидим это также, когда вы дойдете до таких людей, как Руссо. Что-нибудь еще о Джоне Локке? Ну, Джон Локк, когда дело доходит до того, как вы думаете о вещах, этот вид эмпиризма, для Джона Локка разум - это своего рода чистый лист бумаги. Я не знаю, помните вы это или нет, но разум - это своего рода чистый лист бумаги, и ощущения в вашей жизни, то, чему вы учитесь в жизни, помещаются в этот разум и производят впечатления на ваш разум, и так далее.

Однако, что касается Джона Локка, то опыт — это то, где действительно начинается знание. Опыт — лучший источник знания. Для Джона Локка то, что было бы интересно ему и другим людям, было бы естественным откровением.

Как мы понимаем Бога? Мы понимаем Бога через естественную теологию. Мы понимаем Бога, глядя на сотворенный им мир, и этот опыт видения мира — это то впечатление, которое закладывается в нашем сознании, и мы можем узнать что-то о Боге из этого. Но то, что мы хотим отметить, — это то, что отправной точкой является естественная теология.

Отправной точкой является опыт. Отправной точкой является не откровенная теология. Поэтому отправной точкой для вашего обсуждения является не откровенная теология, Бог, открывающий себя во Христе через писания.

Вот как мы знаем о Боге, и мы знаем кое-что об этом мире. Так что это другая отправная точка. И если это другая отправная точка, то это будет и другая конечная точка, потому что, насколько он обеспокоен, насколько обеспокоен

Локк, отправная точка того, что вы хотите знать, на самом деле заложена в нас, а не в Боге или в том, что вы можете узнать о Боге из церкви.

Так что это становится действительно важным, и это философия, которая придет в 17-й век, 18-й век, и это будет развиваться и станет важным, в этом нет сомнений. Так что для Джона Локка, если вы используете такие слова, как разумность или рациональность, это становится действительно критическим. Теперь, второй человек — Иммануил Кант.

Иммануил Кант, ладно, кто-нибудь, что вы помните об Иммануиле Канте? Кто-нибудь вообще? Кто-нибудь приходит на ум об Иммануиле Канте? Кто-нибудь бросается в глаза? Джон Локк — парень справа, а Иммануил Кант — парень слева. Но кто-нибудь приходит на ум, Рут, об Иммануиле? Этика, да? Мы до этого доберемся. Да, это становится важным, верно, этика.

Что-нибудь еще об Иммануиле Канте? Ладно, ладно, ну, в каком-то смысле Иммануил Кант является представителем людей, достигших совершеннолетия в эпоху Просвещения; он идеальный представитель этого. Человечество достигло совершеннолетия, человечество как бы выросло, и разум стал нормой жизни. Вы используете свой разум, чтобы судить о вещах в жизни, и он становится нормой того, что вы знаете.

Вы знаете, через разум. Это все хорошо: разум, рациональность, взросление и все такое — все это хорошо, но Иммануил Кант осознавал, что он тот человек, который помогает нам осознать, что существуют ограничения разума. И я думаю, что одной из причин, по которой он мог осознать, что это так важно для него, было то, что он был воспитан в движении в Германии, которое называлось пиетизм.

Теперь, пиетизм, мы поговорим о пиетизме в следующей лекции, так что нам не нужно беспокоиться о пиетизме сейчас, но пиетизм в основе своей был очень хорошим, замечательным движением, которое объединяло разум и сердце. Это была реакция на своего рода лютеранскую схоластику, которая была только разумом, без сердца, только разумом, без чувств, но да благословит вас Бог, но пиетизм как бы объединил их. И вот как был воспитан Иммануил Кант, в пиетизме.

Так что он, конечно, затем он напоминает нам, что есть пределы разума. Так что, когда дело дошло, например, когда дело дошло до Бога для Иммануила Канта, вы не знаете Бога рационально. Вы не знаете Бога.

У вас нет этого знания Бога по какой-то причине. Вы знаете Бога только верой. Это религиозная вещь, посредством которой вы знаете Бога.

И затем вы упомянули этику или мораль и так далее. Так что у него был моральный принцип. Так что, вы помните, кто-нибудь помнит, что это был за моральный принцип? Он называется категорический императив.

Помните это? Категорический, да благословит вас Бог, категорический императив. Так вот, я люблю категорический императив. Подумайте о последствиях ваших действий, если бы они были универсализированы.

Да благословит вас Бог. Это категорический императив. Подумайте о последствиях своих действий.

Подумайте о действиях, которые вы совершаете, этических вещах, которые вы совершаете, моральных вещах, которые вы совершаете. Подумайте о последствиях ваших действий, если бы все так поступали. Это был бы хороший мир или это был бы плохой мир? Это был бы мир, в котором вы были бы довольны, и Бог был бы доволен, или это был бы плохой мир? Так что да благословит вас Бог.

Итак, мы сейчас универсализируем наши действия. Так что просто универсализируйте свои действия и подумайте, будет ли это хорошим или плохим миром. Так что для Иммануила Канта это категорический императив.

Это этический мандат. Вот как вы должны судить о жизни. Я привел пример всего за минуту, но да благословит вас Бог.

Да благословит вас Бог. Это распространяется, не так ли? Я думаю, что я немного отступлю, но я думаю о категорическом императиве у Иммануила Канта и, как вы упомянули, об этике. Теперь, что вы могли бы сказать, однако, так это то, что Иммануил Кант верил в Бога, он верил в бессмертие, он верил в загробную жизнь и так далее, но он также верил в добродетельную жизнь, конечно, универсализируя ваши действия.

Но что вы могли бы сказать, однако, так это то, что мы начинаем сводить религию к этике. Мы начинаем сводить религию к моральной жизни, этической жизни, добродетельной жизни. И так религия начинается. Здесь происходит редукционизм.

И с этим редукционизмом, возможно ли, что некоторые люди, следующие Канту, забудут о других истинах, таких как Бог и воплощение, Святой Дух и церковь, тело Христово и так далее? Возможно ли забыть об этих других вещах? Ответ на это — да, потому что многие люди в 18 веке забыли о других видах религиозных вещей, и они просто подчеркивали добродетельную жизнь или хорошую жизнь. Канта действительно трудно читать. Я думаю, вы, вероятно, обнаружили это в своем курсе, но когда я думаю об Иммануиле Канте, это

происходит, когда я еду по улице, и кто-то передо мной, и они опускают окна своей машины, и они выбрасывают свои пивные банки и сигареты или свои вещи из Макдоналдса на обочину дороги.

И знаете, что я думаю про себя, когда они это делают? Я думаю, знаете, если бы эти люди читали Иммануила Канта, они бы никогда этого не сделали. Потому что если бы они просто думали о себе, что, если бы все так делали? Что, если бы все ехали по дороге, опускали окна и выбрасывали весь мусор? Даже эти люди не хотели бы жить в таком мире. Но они, вероятно, не читали Иммануила Канта.

Так что, я предполагаю, что, вероятно, они не читали Иммануила Канта. Так что, вероятно, они не думают о том, что произойдет, если мои действия будут универсальными. Каковы будут последствия этого? И что это будет за мир? Они, вероятно, не думают таким образом. Но каждый раз, когда я вижу, как это происходит, я всегда думаю об Иммануиле Канте и о том, что он бы им сказал.

Но вот оно. Но есть ли эта проблема, может быть, маргинализации, подчеркивания этики, подчеркивания морали, подчеркивания добродетелей жизни? Есть ли проблема в том, что люди, следующие Канту, маргинализируют другие великие истины или религиозные истины? Я думаю, что, вероятно, была такая проблема. Хорошо, просто в качестве введения, вот три термина, которые мы просто хотим запомнить.

И затем два человека, которые могут помочь нам начать историю. Это рождение современной философии. Современная философия оказывает влияние не только на этот культурный мир и научный мир, но и на религиозный мир.

Итак, какова связь между философией и теологией? Локк и Кант помогают нам немного понять эту связь. Что-нибудь здесь есть? Все в порядке? Теперь, если вы смотрите на свои заметки на странице 13, то я хотел бы сейчас рассмотреть, как эта эпоха Просвещения как-то себя проявила в четырех местах. Англия, Франция, Германия и Америка.

Итак, просто чтобы дать краткий обзор этих четырех мест, я хочу увидеть, что здесь произошло. Итак, начнем с Англии. Как такое понимание Просвещения сработало в Англии? Хорошо.

Упс, извините. Мне тут надо придумать термины. В Англии это выработалось в движении под названием деизм.

Хорошо, теперь деизм — это не конфессия. Так что мы не должны думать о нем как о конфессии. Это не, это не протестантская конфессия.

Мышление деизма в конечном итоге вошло в протестантские конфессии. Однако сам деизм — это скорее философская, религиозная точка зрения. Так что деизм на самом деле зародился в 17 веке в Англии и расцвел в Англии в эпоху Просвещения.

А затем это пришло в Америку. Но когда вы думаете о деизме с точки зрения их взгляда на Бога, каков стандартный взгляд на Бога, который был у деистов? Бог там, наверху? Он создал мир, он его привел в движение, а затем он стоит в стороне, и он наблюдает за этим творением, которое он создал. Часто это Бог-часовщик, которого он создал, Бог-часовщик.

Он создал часы, настроил их, заставил их тикать, а затем отступил. Так вот, и деизм был таким, в этом нет сомнений. Он зародился в Англии и пришел сюда, в Америку.

Итак, просто чтобы нам было ясно, я хотел бы упомянуть шесть аспектов деизма. Так как деизм формируется в эпоху Просвещения в Англии, есть много аспектов деизма, но я хочу упомянуть только шесть, чтобы нам было ясно о них. Хорошо, номер один: деисты верили в Бога-творца.

Итак, как я уже сказал, они были монотеистами и верили в единого Бога. Они не были, знаете ли, агностиками или атеистами, или они не были политеистами. Они верили в Бога-творца.

Они верили в единого Бога. Ладно, во-вторых, деисты были очень высокого мнения о свободной воле человека. Деисты в Англии выступали против кальвинистов в Англии и доктрины предопределения.

Итак, эти люди верили в свободу воли, и это будет важно как в британской религиозной жизни, но это также будет важно, я бы сказал, это будет важно в британской и американской религиозной жизни, но это также будет важно в британской и американской политической жизни. Итак, со свободой воли люди свободны делать выбор, номер два. Хорошо, номер три, деисты верили в добродетельную жизнь, как Иммануил Кант.

Они верили в моральную жизнь и этическую жизнь. Они верили, что это хороший способ прожить жизнь. Вам не обязательно нужна Библия, чтобы сказать вам это.

Ваше собственное разумное мышление может вам это сказать. Так что это номер три. Номер четыре, деисты верили в загробную жизнь.

Они думали, что в этой жизни не все будет улажено. Поэтому деисты верили в загробную жизнь, хотя это было довольно смутно, и они верили в награды и

наказания. Так что они верили в каком-то смысле в рай и ад, но это довольно смутно, но загробная жизнь есть, и есть награды для добродетельных людей, и есть наказания для людей, для безнравственных людей.

Итак, они верили в это. Итак, номер пять, они верили в важность разума. Фактически, они подчеркивали важность разума как в религиозном, так и, конечно, в культурном плане.

И особенно в культурном плане, особенно когда дело касается политической жизни. Так что, ладно. Номер шесть, они верили в важность естественной теологии.

Они подчеркнули, насколько важна естественная теология. А что такое естественная теология? Естественная теология рассматривает созданный Богом порядок и делает некоторые выводы из этого созданного порядка. Итак, вы смотрите на творение Бога для деистов, и Бог — это Бог порядка, Бог красоты, Бог замысла и так далее.

Теперь, к сожалению, деисты не боролись в достаточной степени с проблемами естественной теологии. Так что естественная теология — это одно. Просто когда вы находитесь в такой день, как сегодня, и смотрите на красоту, порядок и дизайн вселенной в нашем кампусе, вы знаете, это прекрасно. И естественная теология может провести вас немного по пути, как верили деисты.

Они были довольно зависимы от него. С чем они не боролись в достаточной степени, так это с тем, что делать с цунами, землетрясениями, наводнениями и Черной смертью? Что делать, когда естественный мир не демонстрирует Бога порядка, красоты и дизайна? Тогда что делать? Тогда где ваша естественная теология, понимаете? Так что, к сожалению, хотя они в значительной степени полагались на естественную теологию, я не думаю, что они достаточно разобрались с ограничениями естественной теологии. Естественная теология может привести нас только до определенного предела, но я не думаю, что они достаточно разобрались с этим.

Но в любом случае, они полагались на это. Поэтому, когда я думаю о деизме в Англии, и это в конечном итоге разовьется в конфессию под названием унитарянство, когда я думаю о деизме в Англии, я думаю об этих шести характеристиках деистов. Теперь, просто чтобы подчеркнуть этот деизм, я хочу указать на двух деистических писателей, извините, двух деистических писателей, которые были важны.

Одним из писателей был человек по имени Джон Толанд, и это его даты, и он написал книгу под названием «Христианство не таинственно». Христианство не таинственно. Хорошо.

О, он тут третий. Христианство не таинственно, Джон Толанд. Он был английским деистом, и его книга была своего рода манифестом деизма.

Его книга была своего рода Библией деизма и своего рода бестселлером деизма в Англии. И то, что он пытался, я имею в виду, название, я думаю, довольно ясно. Его основной тезис заключается в том, что в христианстве нет ничего таинственного.

Все, что нам нужно знать о Боге, христианстве и церкви, можно узнать с помощью разума. Так что здесь нет ничего таинственного. Здесь нет никакой тайны.

Вот его тезис. Вот что он утверждает в книге, что является хорошим деистским утверждением. Итак, он берет все учения эпохи Просвещения, применяет их к христианству, пишет свою книгу и объясняет, что такое деизм.

Так что, я думаю, мы должны обратить на него внимание, потому что он и его книга оказали действительно глубокое влияние. Вторая книга — это книга Мэтью Тиндала «Христианство так же старо, как сотворение мира». Христианство так же старо, как сотворение мира.

Хорошо? Так вот, то же самое в христианстве. Как и древний как мироздание, насколько он понимает, разум является критерием религии. Нет ничего в религиозной жизни, ничего в христианской жизни, ничего в церкви, ничего о Боге, чего вы не могли бы познать разумом. Просто примените разум, примените рациональность, и вы обнаружите, что нет ничего, чего вы не сможете познать. Вы поймете, что такое религия.

Хорошо. Теперь, когда это происходит в его книге, он критикует две вещи, в некотором смысле, в книге, очевидно. Во-первых, он критикует чудеса в Библии, потому что чудеса не разумны.

Они не рациональны. Их нельзя объяснить логически. Поэтому их нужно отбросить, потому что они не соответствуют строгой естественной теологии.

Итак, первое, что должно уйти, это чудеса в Библии. Хорошо? И второе, что должно уйти, это любое чувство божественного откровения, любое чувство божественного Бога, открывающего себя не через естественный мир. Итак, открывая себя в книге или открывая себя в человеке, во Христе, это уходит.

Этого не может быть. Поэтому он хочет, чтобы христианство было таким же старым, как и творение. Название книги старое, как и творение, и рассказ о творении здесь.

И он хочет отбросить все, что говорит против естественной теологии. Деисты были очень хороши в выборе и выборе из писаний. Так что если рассказ о творении является хорошим примером, рассказ о творении, один Бог создал упорядоченным образом.

Но воплощение, Бог, пришедший во плоти, или Иисус, творящий чудеса, или Иисус, воскресший из мертвых, — такие вещи исключены. Так что ему приходится выбирать. Правильно.

Они считают, что рассказ о сотворении — хороший пример; они считают, что они, я имею в виду, Тиндер был монотеистом. Так что он верил, что был создан один Бог. Он не верит рассказу о сотворении, как вы читаете его в Библии.

Он считает, что это иллюстрирует то, как Бог творил, но это не научно точно. Вот что он сказал бы. Но его это не беспокоит.

Один Бог создал. Это библейская история, насколько он понимает. Но вы не сможете подтвердить это разумом или рациональностью. Так что, те вещи, которые мы упомянули выше, это то, во что поверит Тиндер.

Но да, этим людям придется выбирать и выбирать многое из Библии. Они не выбросили всю Библию, потому что были монотеистами, но им пришлось выбирать и выбирать. Ладно, деизм.

Итак, своего рода выражением Просвещения в Англии был деизм. Он развился в унитаризм, и это то, во что верили деисты. И если у вас есть люди, которые пишут, проповедуют, учат, и их труды становятся нашими бестселлерами, своего рода тем, что мы бы назвали бестселлерами сегодня, то у вас есть довольно неплохой расцвет здесь, в Англии, Просвещения.

Это имеет смысл? У кого-нибудь есть вопросы по этому поводу? Я не прошу вас верить деистам. Я просто прошу вас понять деистов. Мы с ними в порядке? Они в это не верят.

Они не верят, что Иисус был Богом. Они верят, и мы, вероятно, увидим это немного больше, когда доберемся до Франции и Германии, но они верят, что он был хорошим нравственным человеком. Они верят, что он был исторической личностью.

Однако были люди, которые пришли, особенно в Германии, которые отрицали историчность Иисуса. Но эти деисты верят, что он был хорошим моральным и этическим человеком. На самом деле, они думали, что вы должны следовать за Иисусом и быть похожими на Иисуса.

Он был хорошим нравственным человеком. Вы должны быть хорошим нравственным человеком. Помните ли вы в К. С. Льюисе, помните ли вы в простом христианстве, что К. С. Льюис опроверг это? Иисус — хороший человек.

Тебе следует быть как Иисус. Просто следуй за Иисусом. Ты будешь хорошим человеком.

Помните К. С. Льюиса? Что он сказал? Это лжец, сумасшедший, лжец. Вы не можете иметь это. Вы не можете иметь Иисуса как хорошего человека, за которым вы собираетесь следовать.

С Иисусом есть только два выбора. Он либо лжец и сумасшедший, потому что называет себя Богом, что здесь действительно проблематично, либо, и евангелисты говорят о таких вещах, как Бог стал плотью, либо он либо лжец и сумасшедший, либо он Господь. Но нельзя иметь эту середину, которую эти деисты пытаются иметь с Иисусом.

Как хороший человек, нравственный человек, ты должен быть как Иисус. Я не могу этого допустить. Так что К. С. Льюис как бы положил этому конец, в каком-то смысле, в чистом христианстве.

Я имею в виду, люди делали это до К. С. Льюиса, но в плане, может быть, нашего чтения. Вы все читали «Просто христианство»? Точно. Хорошо.

Если нет, то вы хотите включить это в свой список летнего чтения. Хорошо. Итак, деисты, вот они.

Есть вопросы о деистах? У вас с ними все готово? Хорошо. Они были довольно важной группой, потому что они принесли просвещение и применили его к религии. Так что, хорошо.

Номер С — это Франция. Теперь, слово, которое я использую для Франции, это, не так ли? Я не вставлял его в штуку. Хорошо.

О, вот, я тут словечки натыкаюсь. Не так ли? Да. Схоластика, ну, мы знаем, что это такое.

Деизм перерос в унитаризм. Пантеизм у нас пока не появился. Категорический императив — это то, что я, слово, которое я должен был поставить там, когда мы говорили о Канте.

Итак, моральный императив, категорический императив. Так или иначе, я, я подумал, как мне справиться с этим 18-м, 17-м веком, 18-м веком с тем, что

происходит? Поэтому я поставил там знак «стоп». Это как, я хочу просто, когда я читаю некоторых из этих людей, особенно пару из тех, о которых мы сейчас упомянем, мне хочется просто крикнуть «стоп».

Давайте переосмыслим это. Давайте переобсудим это, потому что эти люди уводили нас довольно далеко от исторического христианства, от ортодоксальности, от теологии. Так что, ладно.

Ну, в общем, вот они. Ладно. Ладно.

Давайте отправимся во Францию и посмотрим, что произошло во Франции. Слово, которое я использую во Франции, — натурализм. Так вот, в Англии я использую слово деизм.

Во Франции я использую слово натурализм. И нет никаких сомнений, что то, что произошло в 18 веке во Франции, было гораздо, гораздо, гораздо радикальнее того, что произошло в Англии. Гораздо менее сдержанно.

Деисты были довольно сдержанными, рациональными, просвещенными людьми. То, что происходило во Франции, было гораздо менее сдержанным, чем то, что происходило в Англии. И была открытая война против институциональной церкви во Франции.

И вот пришла Французская революция. Одна из статистических данных, которую я читал, была о том, что ко времени Французской революции, к 1789 году, четверть земли во Франции принадлежала церкви. Четверть земли принадлежала церкви ко времени Французской революции.

Неудивительно, что люди были так расстроены институциональной церковью, потому что, насколько они были обеспокоены, все, что делала институциональная церковь, это крестила королевскую власть Франции. И вот, пришла Французская революция, и, конечно, это была ужасная, ужасная, ужасная революция. И очень кровавая революция.

Ужасная революция. Так вот, то, что произошло во Франции, было гораздо радикальнее, как в религиозном, так и в политическом плане, чем то, что произошло в других местах. В этом нет никаких сомнений.

Итак, чтобы как-то подчеркнуть это, мы просто рассмотрим пару человек. Во-первых, мы просто упомянем Спинозу. Хорошо, и вот вам даты Спинозы, Бенедикта Спинозы, французского мыслителя, французского писателя.

Итак, основное, что вы хотите знать о Спинозе, это то, что у Спинозы было очень, очень экстремальное, если вы читали что-нибудь у Спинозы, очень

крайне критическое отношение к религии и Библии. Гораздо более радикально критическое отношение к Библии, чем, например, у деистов. И это несмотря на то, что у него было еврейское происхождение.

То, что Спиноза действительно развил, было своего рода религиозным пантеизмом. Вот он, четвертая пуля внизу. То, что Спиноза действительно развил, было своего рода религиозным пантеизмом.

Он не верил в Бога Библии. Он не верил в Бога церкви. Но, может быть, есть что-то святое в мире, в котором мы живем.

Может быть, есть что-то, может быть, есть священное в мире, в котором мы живем. И пантеизм как бы добирается до этого. Так что Спиноза на самом деле гораздо радикальнее деистов, и он является примером того, что будет происходить в философском плане во Франции в этот период, который мы называем натурализмом.

Мне все это интересно, потому что у Спинозы было еврейское происхождение. Он родился в еврейской семье, и поэтому можно было бы подумать, что он не пойдет так радикально, как он это сделал, но тем не менее он это сделал. Так что это один человек, которого мы просто упомянем.

Второй человек, которого мы упомянем, это Вольтер. Вольтер продвигает аргумент еще немного дальше вглубь, родился, очевидно, позже Спинозы, а затем продвигает аргумент прямо в 18 век. Хорошо, так для Вольтера.

Пантеизм. Пантеизм — это своего рода отрицание монотеизма. Это отрицание единого Бога, и единого Бога, созданного в мире.

Это вера в то, что священное — это не обязательно Бог, но что священное находится в этом мире. Так что вы можете найти священное в мире, глядя на деревья и ручьи. Так что Бог как бы находится в ручьях.

Он как бы на деревьях. Он как бы в горах и так далее. Но это очень, это не Бог Библии.

Это не Бог, который создал и имеет власть и авторитет над своим творением и т. д. Это своего рода религиозный; это религиозный пантеизм, своего рода вера в то, что божественное, что бы это ни было, является Богом Библии. Нет. Это Христос? Нет.

Святой Дух? Нет. Но божественное каким-то образом присутствует во вселенной. Имеет ли это смысл? Я не думаю, что это имеет большой смысл, но это то, что мы называем своего рода религиозным пантеизмом.

Вот где он заканчивается. Так что там тоже не так много, не так много. Если вы, я полагаю, я полагаю, если вы экстремальный пантеист, я полагаю, тогда вы можете поклоняться этому естественному миру.

Я полагаю, если вы пойдете, если вы доведете пантеизм до крайности, если священное находится в этих деревьях, вы начнете поклоняться этим деревьям, потому что священное находится там, боги находятся там. Или если священное находится в этом ручье, вы начнете поклоняться этому ручью, потому что священное находится там, не так ли. Имеет ли это смысл, Джесси? Так что он, конечно, он, конечно, перешел в своего рода пантеизм и, конечно, отошел от всего, чему учила церковь или чему учила Библия о Боге и воплощении и подобных вещах.

Что-то еще. Он был мягок, я думаю, по сравнению с Вольтером. Я думаю, все были мягки по сравнению с Вольтером, потому что он действительно, для Вольтера, религия просто и действительно только, я бы сказал, просто или только в морали и этике.

Его религиозное видение было о морали и этической жизни. И он действительно презирал, я не думаю, что это слишком сильное слово, он презирал все, что исходило от христианства или церкви. Он презирал учения церкви.

На самом деле, одна из известных строк, которую он приводит в одном из своих произведений, это: сокрушить позор. Ну, под этим он подразумевал сокрушить церковь и сокрушить все, во что церковь верит и чему учит. Сокрушить ее, сокрушить это дело Бога и воплощения, и Иисуса, и поместной церкви и так далее.

Так что, насколько он был обеспокоен, все это было мерзостью. Теперь, у Вольтера, к сожалению, вы получаете очень сильный антисемитизм в его писаниях, потому что кто создал все эти дела о Боге, Библии и Иисусе? Кто создал все это, конечно, были евреи. Так что вы получаете этот очень сильный антисемитизм здесь.

И это просто своего рода подлая атака. Нападение Вольтера — это своего рода подлая атака на христианство и на то, что мы изучали. Я имею в виду, что даже деисты были бы унижены такого рода атакой, потому что деисты верили в единого Бога и верили в нравственную жизнь.

Ну, в любом случае, это Вольтер. Ладно, это номер два. И прежде чем мы покинем Францию, давайте просто перейдем к Руссо.

Ладно. Руссо очень, очень важен. Дело в том, что Руссо не родился во Франции.

На самом деле он родился в Швейцарии, но переехал в Париж. Так что его жизнь и его труды связаны с Францией. Так что теперь вы будете знакомы с парой вещей, связанных с Руссо.

Я собираюсь упомянуть четыре вещи о нем. Причина, по которой я немного задержался с Руссо, заключалась в том, что люди в Америке много читали Руссо. Руссо был бы очень влиятельным в общественной жизни здесь, в Новом Свете.

Вот почему мы уделяем Руссо немного больше времени, чтобы разобраться в этой эпохе Просвещения. У меня есть время, может быть, на одну или две вещи для Руссо. Хорошо, номер один для Руссо — это, для него, отличительная черта религии. Что касается его, отличительная черта религии — это чувство.

Отличительная черта религии — внутренняя жизнь. Внутренняя жизнь, чувство, которое у вас есть, вот в чем суть религии. Так что он уходит от. Он доказывает пределы рациональности, не так ли? Он доказывает пределы разума.

Он идет в другом направлении. Если религия — это чувство, эмоция, и религия — это вопрос внутренней жизни, то он отходит от этих людей Просвещения, которые были очень настроены на рациональность. Это означает, что в соответствии с этим первым пунктом Руссо — одна из фигур, которая будет своего рода переходной фигурой, помогающей переместить более широкую культуру из мира Просвещения в мир рациональности, и какое следующее великое культурное движение придет в 19-й век? Не век разума, а то, что придет в 19-й век? Это будет романтизм. Романтизм — это своего рода культурное движение, основанное на чувствах и так далее.

Итак, музыка 18-го века, что такое музыка 17-го века? Если вам нравится эта музыка, то это Гендель-Гайдн, не так ли? Может быть, здесь есть любители музыки, но для меня, в моем ограниченном уме, это очень рационально, не так ли? Музыка очень рациональна, очень разумна. Но когда вы приходите в 19-й век и увлекаетесь Чайковским и другими людьми, музыка становится гораздо более, не так ли? Гораздо более эмоциональной и так далее. И вы могли бы сказать, что то же самое, я думаю, касается искусства и так далее.

Так что, конечно, Руссо, возможно, здесь переходная фигура, потому что для него религиозная жизнь — это не жизнь рациональности, как у деистов. Это больше чувство, больше эмоциональность. Так что это своего рода одно.

Хорошо, вторая вещь о Руссо, и это в его творчестве, это возвращение к естественному миру, возвращение к природе, своего рода благородный, дикий вид образов, которые он нам дает. Он хочет видеть нас живущими больше в

естественном мире, и он хочет видеть человечество с такой естественной моралью, которая приносит вам избавление от эгоизма растущего индустриального мира. Избавление от зла растущего индустриального мира.

Уйти от жадности растущего мира. Вернуться к естественному миру, к тому, что было задумано в этом естественном мире, и так далее. Ну, это раз и два.

Три и четыре. Мы сделаем три и четыре в пятницу, и вообще, третье и четвертое важнее для того, о чем мы говорим. Так что, ладно, мне нужно остановиться здесь.

Это доктор Роджер Грин в своем курсе «История церкви, Реформация до наших дней». Это сессия 10, Просвещение.